

Светлана
Сырнева

Избранные стихи

Светлана Сырнева
Избранные стихи

«ИТРК»

Сырнева С.

Избранные стихи / С. Сырнева — «ИТРК»,

В книгу избранных стихов Светланы Сырневой вошли лирические сочинения 1980-х – 2000-х гг. Автор – одна из самых значительных поэтов современной России. Это отмечалось многими выдающимися деятелями отечественной культуры. Среди них: Вадим Кожинов, Владимир Солоухин, Петр Палиевский, Юрий Кузнецов. Сырнева живет в городе Кирове. У нее вышло пять стихотворных сборников. Стихи публиковались в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Поле Куликово»; журналах «Наш современник», «Москва», «Новый мир», «Подъем», «Русская провинция»; в газетах «Литературная газета» и «Литературная Россия»; во многих коллективных сборниках. Лирика Светланы Сырневой несет в себе редкие художественные достоинства, философско-интеллектуальное напряжение, изобразительную мощь.

© Сырнева С.

© ИТРК

Содержание

О поэзии Сырневой	5
Стихотворения	6
Прописи	6
I	8
Наследство	8
Русский секрет	9
* * *	10
* * *	10
Романс	11
Двадцать первый век	12
Побег поэта	13
Зимняя свадьба	14
* * *	15
Шиповник	16
* * *	17
Противостояние Марса	18
* * *	19
Марийский певец	20
Литбригада	21
Трамвай Живаго	23
Гибель Титаника	24
Календулы	25
Осина	26
Побежденный	26
Памяти Юрия Кузнецова	27
Цветы	28
Гоша и Кот	29
Кривая березка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Сырнева

Избранные стихи

О поэзии Сырневой

Давным-давно сказано: «Печаль мира поручена стихам». Молитва, песня и поэзия – свидетельство подлинности мира и человека. В полноте, глубине и многоликости смыслов, сопряженных с *местом* и *временем*. Даже если время называется историей.

Стихотворения Светланы Сырневой это и природа, и человек с его чувственным и разумным отношением к ней. В них таинственная многоликость и власть ритма.

Несколько строчек Александра Блока здесь весьма уместны: «Только наличностью пути определяется внутренний „такт“ писателя, его *ритм*. Всего опасней – утрата этого ритма. Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть неперемное условие писательского бытия. <...> Раз ритм налицо, значит творчество художника есть отзвук целого оркестра, то есть – отзвук души народной».

Слова великого поэта родственны тому, что сочинила Светлана Сырнева. Кстати, творец нашего светского Евангелия подписывал свои письма – «сочинитель Пушкин». В её мимолетной словесной улыбке бездна откровения.

Стихи Сырневой по праву принадлежат к высшему, что создано в наше время.

Сочинения Сырневой поражают изобразительной мощью, стихией, трудно согласуемой с женственным и женским.

Сырнева обладает редкой способностью расковывать косность слов и образов.

Знаменательно, что в век судорожной пародийности, вороватой способности жить за счет другого, она ищет не разрешение загадок, а согласие с запечатленным смыслом; неважно как он назван: природой, историей, красотой, истиной, душой, духом и прочими, по выражению Набокова, «озаренными неясностями».

Мне пришлось участвовать вместе с Юрием Кузнецовым в вечере памяти Некрасова в Центральном Доме Работников Искусств. Прекрасный русский поэт Юрий Кузнецов, выступая, назвал четыре женских имени, равновеликих судьбе русской поэзии. Среди них и Сырневу. В гулкой тишине он бесстрастно прочитал ее стихотворение «Прописи».

Во времена тщеславий, безграничной власти чернил, презентаций и графомании, власти «цента» и дерзости шестидесятилетних постмодернистов, чтение «Прописей» было встречено восторженно.

Стихи Сырневой нежны и текучи, с ними хорошо. Они думают сами о нас.

Когда-нибудь филологи и литературоведы опишут особенности художественного мира Светланы Сырневой, сегодня же можно признать, что ее стихи обладают чертами истинного и прекрасного.

Оценивая поэтический дар Светланы Сырневой, приведу суждение Георгия Адамовича о Марине Цветаевой (1928 год): «Есть в каждом ее стихотворении единое цельное ощущение мира т. е. врожденное сознание, что все в мире – политика, любовь, религия, поэзия, история – решительно все составляет один клубок. Касаясь одной какой-либо темы, Цветаева всегда касается всей жизни».

Такова и Сырнева. Читатель это поймет и оценит.

Владимир Павлович Смирнов

Стихотворения

Прописи

Д. П. Ильину

Помню, осень стоит неминуемая,
восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
и богатая самая».

В пешех далях – деревья корявые,
дождь то в щеку, то в спину.
И в мои сапожонки дырявые
заливается глина.

Образ детства навеки —
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помете.

Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина – самая светлая».

Нас возьмет грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.

И споет во все хилые ребра
октябратский мой класс бритолобый:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина – самая добрая».

Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера!

Ты горька, как осина,
но превыше и лести, и срама —
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

1987

I 2000–2007

Наследство

Где бы знатное выбрать родство —
то не нашего рода забота.
Нет наследства. И нет ничего,
кроме старого желтого фото.

Только глянешь – на сердце падет
безутешная тяжесть сиротства:
в наших лицах никто не найдет
даже самого малого сходства!

Эта древнего стойбища стать,
кочевая бесстрастность во взоре!..
В ваших лицах нельзя прочесть
ни волненья, ни счастья, ни горя.

О чужой, неразгаданный взгляд,
все с собою свое уносящий!
Так таежные звери глядят,
на мгновение выйдя из чащи.

И колхозы, и голод, и план —
все в себя утянули, впитали
эти черствые руки крестьян,
одинакие темные шали.

Что с того, что сама я не раз
в эти лица когда-то глядела,
за подолы цеплялась у вас,
на коленях беспечно сидела!

И как быстро вы в землю ушли,
не прося ни любви, ни награды!
Так с годами до сердца земли
утопают ненужные клады.

Что не жить, что не здравствовать мне
и чужие подхватывать трели!
Как младенец, умерший во сне,
ничего вы сказать не успели.

И отрезала вас немота

бессловесного, дальнего детства.
И живу я с пустого листа,
и свое сочиняю наследство.

2000

Русский секрет

Достигало до самого дна,
растекалось волной по окраине —
там собака скулила одна
о недавно убитом хозяине.

Отгуляла поминки родня,
притупилась тоска неумная.
Что ж ты воешь-то день изо дня,
да уймешься ли, шавка бездомная!

Всю утробушку вынула в нить,
в бессловесную песню дремучую.
Может, всех убиенных обвыть
ты решилась по этому случаю?

Сколько их по России таких —
не застонет, домой не попросится!
Знаю, молится кто-то за них,
но молитва — на небо уносится.

Вой, родная! Забейся в подвал,
в яму, в нору, в бурьяны погоста,
спрячься выть, чтоб никто не достал,
чтоб земля нарыдалася досыта!

Вдалеке по реке ледоход,
над полями — движение воздуха.
Сто дней плакать — и горе пройдет,
только плакать придется без роздыха.

Это наш, это русский секрет,
он не видится, не открывается.
И ему объяснения нет.
И цена его не называется.

2000

* * *

Прочь на равнину из душных стен —
где жизнь волну за волной катит,
где сверху донизу мир открыт,
и ветер в нем широко летит.

Летит, летит он, ничем не сжат,
и сразу видит весь белый свет:
на севере дальнем снега лежат,
на юге сирень набирает цвет.

Глубоко в пойму дубы ушли,
недвижна громада весенних сил.
И солнце светит для всей земли,
и белый сад над горой застыл.

Зачем нам небо, зачем трава,
мерцанье дальних ночных огней;
зачем и знать, что жизнь такова,
что разом все уместилось в ней?

И вот твой краткий век пролетел
в теснине, в склепе, в чужом дому,
и каждый видел себе предел,
тогда как предела нет ничему.

Не для того ли нам жизнь дана,
чтоб всякий раз, как весна придет,
понимать, что душа создана
по подобию иных широт!

И ветер летит, и куст шелестит,
и все живет по своим местам.
И смерти нет, и Господь простит того,
кто об этом дознался сам.

2000

* * *

Знойное небо да тишь в ивняке.
Ни ветерка безутешному горю!
И василек поплывет по реке
к дальнему морю, холодному морю.

Нет ничего у меня впереди
после неожиданного выстрела в спину.
А василек все плывет. Погляди,
как он беспечно ушел на стремнину!

Плавно и мощно струится река,
к жизни и смерти моей равнодушна.
Только и есть, что судьбу василька
оберегает течение послушно.

Не остановишь движение вод,
вспять никогда оно не возвратится.
А василек все плывет и плывет,
неуправляемой силы частица.

Может, и нам суждено на века
знать, от бессилия изнемогая:
больно наотмашь ударит рука —
медленно вынесет к свету другая.

Правда, что холоден мир и жесток,
зябко в его бесприютном просторе.
Я не хотела, но мой василек
все-таки выплыл в открытое море.

2000

Романс

Облетает листва уходящего года,
все черней и мертвей полевая стерня,
и всему свой предел положила природа —
только ты никогда не забудешь меня.

Старый скарб унесли из пустынного дома,
и повсюду чужая царит беготня.
Изменило черты все, что было знакомо —
только ты никогда не забудешь меня.

Это грустный романс, это русская повесть
из учебников старых минувшего дня.
Как в озерах вода, успокоилась совесть —
только ты никогда не забудешь меня.

И остаток судьбы всяк себе разливая,
мы смеется и пьем, никого не виня.

Я по-прежнему есть. Я поныне живая,
только ты никогда не забудешь меня.

2000

Двадцать первый век

Детство грубого помола,
камышы, туман и реки, сад,
а в нем родная школа —
вы остались в прошлом веке.

Счастье, вкус тоски сердечной,
платье легче водных лилий —
все исчезли вы навечно:
вы в прошедшем веке были.

Все, на чем душа держалась,
из чего лепила соты —
в прошлом веке все осталось
без присмотра и заботы.

Кто там сжалится над вами,
кто на вас не будет злиться,
кто придет и в Божьем храме
будет там за вас молиться?

Ты своей судьбой не правил,
не берег себя вовеки:
беззащитное оставил
за горою, в старом веке.

Вспомни, там мы рядом были,
значит, нас хулить, не славить.
На твоей простой могиле
ты велел креста не ставить.

Но сиял в миллион накала
новый век, алмазный лапоть.
Где тут плакать, я не знала.
Да и ты просил не плакать.

Счастье, вкус тоски сердечной,
платье легче водных лилий —
все исчезли вы навечно:
вы в прошедшем веке были.

Все, на чем душа держалась,
из чего лепила соты —
в прошлом веке все осталось
без присмотра и заботы.

Кто там сжалится над вами,
кто на вас не будет злиться,
кто придет и в Божьем храме
будет там за вас молиться?

Ты своей судьбой не правил,
не берег себя вовеки:
беззащитное оставил
за горою, в старом веке.

Вспомни, там мы рядом были,
значит, нас хулить, не славить.
На твоей простой могиле
ты велел креста не ставить.

Но сиял в мильон накала
новый век, алмазный лапоть.
Где тут плакать, я не знала.
Да и ты просил не плакать.

2001

Побег поэта

Человек тридцати пяти лет,
проживавший похмельно и бедно,
потерялся в райцентре поэт —
просто сгинул бесследно.

А друзья его, сжав кулаки,
все шумели, доносы кропали —
дескать, парня убили враги,
а потом закопали.

Перерыты все свалки подряд,
перекопан пустырь у вокзала.
А жена собирала отряд
и в леса посылала.

Пить за здоровье? За упокой?
Мужики не находят покоя:
эх, талантище был, да какой!

Он еще б написал, не такое!

На поэтов во все времена
не веревка, так пуля готова.
Зазевался – придушит жена,
как Николу Рубцова.

Может, снятся им вещие сны,
может, ангел встает у порога:
«Ты поэт? Убегай от жены!
Убегай, ради Бога!»

Так у нас глубоки небеса
и бездонные реки такие,
а вокруг все леса и леса —
вологодские, костромские.

И земля не закружится вспять,
и где надо лучи просочатся.
Можно долго бежать и бежать,
задыхаясь от счастья.

Посреди необъятной земли
вне известности и без печали
сбросить имя, чтоб век не нашли
и пожить еще дали!

Он бежал, никого не спросив,
мир о нем никогда не услышит.
Он исчез, и поэтому – жив,
и еще не такое напишет.

2001

Зимняя свадьба

Полночь. Деревня. Темно.
Стужа – вздохнуть нелегко!
Треснет в проулке бревно —
гул полетит далеко.

Роща навек замерла,
к небу вершины воздев.
Жучка – и та, как стрела,
с улицы мчится во хлев.

Где-то мерцает огонь,

резво скрипят ворота.
Там самовар и гармонь,
белая чья-то фата.

В эту морозную стынь
любо мне свадьбу кутить,
мимо бездвижных твердынь
лихо на тройке катить.

Стой ты, дворец ледяной,
мраморный замок любви!
Песней да пляской хмельной
брызнут паркетные твои.

Эх, погуляй, слобода,
но не кичися судьбой:
русского снега и льда
в рай не захватишь с собой!

Долго душе привыкать,
как на чужбине, в раю,
вечно грустить-вспоминать
зимнюю свадьбу свою.

Из невозвратных краев
немо смотреть с высоты
на белоснежный покров,
на ледяные цветы.

Некому будет спросить:
чем ты, душа, смущена?
И не успела остыть вровень
с бессмертьем она.

2001

* * *

Зимнее небо бесцветно
и неподвижна земля.
День пролетит незаметно,
падает снег на поля.

Через деревья и крыши он
пробирается вброд.
Утром из мрака он вышел,
вечером в темень уйдет.

Светлого времени суток
снова не хватит ему:
бледен и мал промежуток,
перемежающий тьму.

Полночь огни погасила,
но не окончен поход.
Гонит небесная сила,
путника гонит вперед.

Кружат овраги и спуски,
села встают, да не те...
Али и сам ты не русский,
аль не плутал в темноте!

Черт перепутал округу,
до свету тешиться рад.
Ходит и ходит по кругу
черный, слепой снегопад.

Спи до утра, если сможешь,
не просыпайся в избе:
темный удел бездорожья
нынче сужден не тебе.

Выпадут годы иные —
ты обнищаешь, как тать,
и на просторах России знаешь,
где снегу плутать.

2002

Шиповник

Вдоль дороги пристанища нет,
по канавам наметился лед.
И краснеет осенний рассвет
за рекой, где шиповник растет.

Он растет, существует вдали,
неподвижен и сумрачно ал.
Берега им навскид поросли,
только ягод никто не собрал.

Здесь никто не ходил, не бродил,
не видать ни чужих, ни своих.

Ведь плоды не срывают с могил,
не берут их со стен крепостных.

Ржавый лист прошуршит у воды,
безнадежно упавший к ногам.
Но краснеют на ветках плоды
по великим твоим берегам.

Мы, Россия, еще проживем!
Не сломали нас ветер и дождь.
В запустении грозном твоём
есть ничейная, тайная мощь.

То и славно, что здесь ни следа,
то и ладно, что здесь ни тропы.
Мы еще не ступали туда,
где стена, и плоды, и шипы.

2002

* * *

Выбилось лето из сил,
в небе до срока темно.
Август к окну подступил,
и запотело окно.

И остывания пар
в келье скопился моей,
словно внесли самовар
для неизвестных гостей.

Много таких вечеров
будет теперь у меня:
маленький замкнутый кров,
свет неживого огня.

Все обращается в прах,
всюду печаль залегла,
и дотлевают в лесах
пламя любви и тепла.

Возле багряных калин,
возле седых тополей
сам ты себя закалил
к холоду жизни своей.

И преклонясь головой,
стал ты на тополь похож:
вместе с травой и листвой
счастье свое отдаешь.

Все потерять заодно,
приобретая взамен
это седое окно,
сон остывающих стен!

Лед у порога разбить
и на задворках села
снег и свободу любить
больше любви и тепла.

2003

Противостояние Марса

Над черной пропастью пруда,
над темным лесом и над степью
встает кровавая звезда
во всем своем великолепье.

Она царит, в сердца неся
и восхищение, и усталость,
и перед ней природа вся
ушла во тьму и тихо сжалась.

И всякий маленький листок
молчал, и птица затаилась.
И каждый тихо изнемог,
еще не зная, что случилось.

Звезда! Ничтожны пред тобой
мои поля, мои дубравы,
когда ты луч бросаешь свой
для развлечения и забавы.

И подойдя, что ближе нет,
как злобный дух на голос выпи,
ты льешь на нас разящий свет,
который днем из нас же выпит.

И мы молчим из нашей тьмы,
подняв растерянные лица —
затем, что не умеем мы

противостать, оборониться.

Мы тихо сжались, чтоб пришли
разруха, войны и неволи
и обескровленной Земли
сухая судорога боли.

Я не ищу судьбы иной
и не гонюсь за легкой славой:
не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.

Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.

2003

* * *

Под крылом твоим
тайные пути.
Ты лети, как дым,
птица, ты лети!

Пусть ведет тебя
древняя стезя.
Это ты лети —
мне лететь нельзя.

Жизнь у нас одна,
ты в ней и лети.
Ну а я пока
буду взаперти.

Сквозь трамвайный гул
не прорвется тишь.
Мне бы только знать,
верить, что летишь!

По твоим лугам,
по равнинам вод
то трава цветет,
то пурга метет.

Там и мой отец

под стальной звездой,
там и я всегда
буду молодой.

И оттуда в жизнь
веселей смотреть.
Как любила я,
все, что будет впредь!

Как я в гору шла,
тяжело несла,
никому ни в чем
не хотела зла.

Птица, унеси
к дальней стороне
не людскую молвь —
правду обо мне.

И у той горы,
у могильных плит
до другой поры
правда пусть молчит.

2003

Марийский певец

И терпенью приходит конец.
Я тебе благодарна заране,
неизвестный марийский певец,
отказавшийся петь в ресторане.

Смотрит в окна осколок зари,
все охрипли от водки и лени.
Выйди вон и один покури
под кустом первобытной сирени!

Вымирает твой древний народ,
разлагается, тлеет и тает,
а сирень неизменно растет
и в положенный срок расцветает.

И все так же природа сильна
даже в малом, последнем остатке,
и тебя наделила она статью
воина в должном порядке.

Брат, ты вышел из этих дверей —
и почувствовал силу за дверью.
Обратися же в сойку скорей
по природе твоей, по поверью!

Ты летишь, и тебе нипочем,
ты крылом задеваешь за ветки по лесам,
где над каждым ручьем
жили вольные, смелые предки.

И гудела в кустах тетива,
недоступна для чуждого глаза.
Никого не сгубила молва,
никого не сгубила зараза.
Так мы жили без нефти и газа!

Ты лети, ты носи свою весть,
спой, как можешь, как сердце велело.
Ты летишь – тебе некуда сесть:
все обуглилось, все погорело.

И на твой бессознательный клик,
на беззвучный твой шелест крылатый
выйдет малый и выйдет старик
с допотопным дубьем и лопатой.

Вот стоит твоя нищая рать,
не выдавшая белого свету.
А другой не удастся собрать,
и надеяться надо на эту.

2003

Литбригада

Памяти комиссара А. Барсукова

В белый июнь, в холода,
там, где мы лета не ждем,
мчалась машина тогда
вровень с травой и дождем.

И половодьем воды
лето тебя обтекло.
Белые бились цветы
вместе с водой о стекло.

В белый июнь, на ходу,
там, на родной стороне,
если я песню найду —
будет она о войне.

Вдоль скоростного шоссе,
оборотясь на закат,
дремлют руины в росе,
мертвые нивы лежат.

Тихо выходит из нор
бледный, усталый народ.
Наш необученный хор
песню нестройно поет.

Дети советской судьбы,
мы приучились опять
ставить коней на дыбы
и из окопов стрелять.

Видишь, деревни горят,
бьют по тебе наповал.
Наш одинокий отряд
скорость ненужную взял.

Бросит и в холод, и в жар,
только назад не гляди!
И почему Комиссар
вечно сидел впереди?

Ныне и в холод, и в зной
над запустеньем полей
все ты летишь над землей
в скорбной машине твоей.

Сникла товарищей рать,
но не тебе тяжело:
счастлив ты нынче не знать,
сколько их в Думу прошло.

Вниз не смотри на страну.
В стане родных и чужих
пусть ощутят глубину,
силу ошибок своих.

Там, где проносишься ты —
там уже стало светло.
Белые бьются цветы

вместе с водой о стекло.

2003

Трамвай Живаго

В тридцать лет мы не знаем, когда мы умрем,
нам не стыдно слоняться без дела.
И в зените над городом,
над пустырем неподвижное солнце висело.

Поднебесное облачко бросило тень —
и опять безмятежна природа.
Как медлительно, сладостно тянется день,
весь июль девяностого года!

Будут август, октябрь. И уже не шутя,
с удивленьем, с восторгом, с тоскою
ты насмотришься туч, дорогое дитя,
ты увидишь еще не такое!

Твой зенит приходился на самый канун,
ты обратно не сможешь вернуться —
лирик, физик, философ, мятежный вещун,
жертва русских своих революций.

И уже погрузились в глубокий склероз
ураганные черные годы.
И не все ли равно, кто в осколки разнес
недопитую чашу свободы!

Ты пройдешь, и тебя не узнают в лицо,
ты и сам никого не узнаешь.
Как во сне, обручальное наше кольцо
на мешок овощей поменяешь.

Донным илом покрыты колонны и львы,
перепрели перо и бумага.
Ничего не прося, не подняв головы,
ты проедешь в трамвае Живаго.

Из космических, дальних, нездешних времен
звездный свет, не дойдя, замирает.
И безмолвно на твой летаргический сон
многомудрая вечность взирает.

Гибель Титаника

Ларисе Барановой-Гонченко

В зыбучую глубь, в бездонную хлябь
уводит сия стезя.
Не надо строить такой корабль
и плавать на нем нельзя!

Но вспомни, как сердце твое рвалось
и кровь играла смелей:
гигант свободы, стальной колосс,
он сходит со стапелей!

Творенье воли, венец ума,
невиданных сил оплот.
И дрогнет пред ним природа сама,
и время с ума сойдет.

В далекую даль, к свободной земле,
связавшись в один союз,
мы тоже шли на таком корабле —
грузин, казах, белорус.

В опасный час, на том рубеже
спастись бы хватило сил —
но кто-то черный тогда уже
по трюмам нас разделил.

Ты вспомни, как бились мы взаперти —
все те, кто был обречен,
кто вынужден был в пучину уйти,
предсмертный выбросив стон.

Заклятье шло из воды морской,
сдавлившей дверной проем:
«Пусть будет проклят корабль такой!
Зачем мы плыли на нем?!»

Ты вспомни: выжил тот, кто не ныл
забвения не искал,
кто переборки наспех рубил
и на воду их спускал.

Кто на обломках приплыл к земле
и там из последних сил
своих находил, согревал в тепле

и заново жить учил,

и кто вписал окрепшей рукой
в дневнике потайном:
«Надо строить корабль такой
и надо плавать на нем!»

2004

Календулы

Уже, чернея в темноте,
ждала машина у калитки.
По дому пыль, и в суете
давно уж собраны пожитки.

И свет погас. Мы вышли в сад,
его навеки покидая.
Кругом тянулась наугад
земля изрытая, пустая.

Предзимняя печаль земли,
от коей ничего не надо!
И лишь календулы
цвели, забытые у края сада.

Они, возросшие в тиши,
взглянули с пажити опалой,
как современники души,
невосполняемо усталой.

И жизни гнет, и славы тлен,
убогий слог житейской были,
итог предательств и измен
им в этот миг понятны были.

Мы мчались, обращаясь в прах,
во тьме кромешной, первородной,
и я держала на руках
букет календулы холодной.

Цветы смотрели на меня
в моем закрытом кабинете.
Они увяли за три дня,
как увядает все на свете.

2004

Осина

Жизнь обратно меня принесла,
как река, обращенная вспять.
И осина с тех пор возросла
так, что вовсе ее не узнать.

Но все там же стоит, на краю,
над провалом осеннего дня.
Подойду, обниму, постою —
и она не узнает меня.

Не припомнит, коль память крепка
в тонких пальцах расцепленных пут!
Кто остался – растет в облака,
остальные по кругу бегут.

Дай мне силу, родительский дом,
дай мне волю в пределах Земли,
в сотый раз возвращая потом,
где осины мои возросли;

где шумит мой оставленный сад
по просторам пустынной Руси.
Волоки меня, сила, назад
и, остаться не дав, уноси!

Одинаковы все города,
позолочены все купола,
и нездешняя сила всегда
отрывает меня от ствола.

И пророчит, и льстиво поет,
и всечасно геенной грозит.
И опомниться мне не дает,
потому что не насмерть разит.

2004

Побежденный

Не завывать ли нынче, как волк,
на глухое пламя луны?
Наш расформированный полк

молча возвратился с войны.

Из ничейной нивы овса,
охватившей ваш огород,
все еще звучат голоса тех,
кто никогда не придет.

Что ж твоя печаль тяжела?
Побежденный ты, но живой.
Радуйся, что пуля прошла
где-то над твоей головой!

Что же ты глядишь с немотой,
лишний на родной стороне?
Радости земной и простой
разучился ты на войне.

Здесь трава, как в детстве, густа,
и листва росой полна.
Но живая вся красота
без победы нам не нужна.

Тихие разливы жнивья,
где легко прожить без утрат!
И сурово смотрит семья,
словно ты во всем виноват.

«Ты зачем покинул крыльцо,
дома ты не мог бы корпеть?!»
И родные плюнут в лицо,
но и это надо стерпеть.

2004

Памяти Юрия Кузнецова

Все ушли. И всех не спеша
ассосала земля сырая.
Верю я, что бессмертна душа —
но что ей делать в пределах рая?

Жить без Родины, без родни,
вечно жить без слез, без печали.
Боже! Хотя бы поэтов на землю верни:
вечного счастья они не желали.

Господи! Я тебе говорю с Земли,

из России, из временного приюта,
пересыльного пункта, куда мы на миг пришли
и к другому стремиться должны – к чему-то.

Здесь, понять все сущее торопясь,
в ковылях бродя, застудясь в метели,
безотчетным слепком душа снялась
с неуютной русской своей колыбели.

Здесь играли огни новогодних сел,
и весенних рек неслись круговерти,
и не каждый силу в себе нашел,
видя это, готовиться к смерти.

Вот и дождь устал, вот и дальний гром.
И мечтает поэта душа живая
по родным просторам бродить с пером,
никого не помня, не узнавая.

Соловей поет, и гуляет плес,
и цветут цветы на могилах милых.
Если правда жил среди нас Христос,
то и он разобраться во всем не в силах.

2004

Цветы

В.Е. Ковскому

Ты спишь в суе новостей городских
прижизненным сном суеты.
А здесь, в стороне от потоков людских,
цветут на газоне цветы.

Здесь осень сомкнула свои купола,
здесь жилы Вселенной легли,
и красная лава к ногам изошла
из самого сердца Земли.

Пылает газон негасимым огнем,
ничто ему ветер и дождь.
И вечная тайна содержится в нем,
которую ты не поймешь.

Как будто, сойдя с иноземных орбит
в единую точку тепла,

неведомый разум безмолвно скорбит
о жизни, что мимо прошла.

Отсюда ты в небо ночное взгляни,
как в черный, погибельный ров,
где светятся звезд бортовые огни
пред самым крушением миров.

И может, давно уже небо мертво,
и наша погибель близка,
а ты не успел, не успел ничего
за долгие эти века.

2004

Гоша и Кот

Каморка у Гоши похожа на старый комод
под лестницей черной, где окон, естественно, ноль.
Сюда же прибился какой-то сомнительный кот,
и оба живут, как живет перекатная голь.

У Гоши по пьянке давно уже выбили глаз,
трех жен поменял он, по свету рассеял детей.
Кот вылез с помойки на Гошин горелый матрас,
пригрелся – и счастливы оба без лишних затей.

Сам Гоша в дымину и в стельку дней семь или шесть,
гнилая махорка до слез прокоптила тюрьму.
Но кот не перечит, и даже, коль нечего есть,
то Гоша хоть луковку все же, но кинет ему.

Ты словом недобрым худую судьбу помяни.
Непросто мужчине без глаза, тудыть тую рать!
Мы знаем о счастье не больше, чем знают они,
когда по сугробам бутылки идут собирать.

Они доходяги, и кто-нибудь скоро помрет:
не кот – значит, Гоша, хотя он еще не старик.
Но лучше б, конечно, чтоб раньше скопытился кот,
ведь Гоша за долгое время к потерям привык.

Он водкой заглушит, он будет глядеть в темноту,
а пьяные слезы – они, как известно, вода.
Но если ты, Гоша, подохнешь – не жить и коту,
ведь горя подобного не было с ним никогда.

2004

Кривая березка

Ларисе Барановой-Гонченко

Это давнего, дивного детства весна,
где природа блестит, оживая.
И опять во все стороны света видна
в чистом поле березка кривая.

Пусть убога, мала, не на месте взошла
и над пашней шумит, не над лугом —
осторожно ее борона обошла,
не задело родимую плугом.

Кто ее уберег для себя и детей,
кто пахал этот клин худородный?
Фронтовик, навидавшийся всяких
смертей, иль подросток деревни голодной.

Это было в далекой советской стране,
это есть колыбель и обитель.
Вот он едет в село на железном коне —
работяга, отец, победитель!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.